

ДОВЕРИЕ К НАУЧНОМУ ЗНАНИЮ В УСЛОВИЯХ НОВЫХ УГРОЗ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

С.А. Кравченко, А.И. Подберёзкин

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

В статье показывается, что валидность научного знания, заслуживающего доверия, крайне важна для обеспечения национальной безопасности. Вместе с тем есть объективные и субъективные факторы, подрывающие доверие к нему. Среди объективных факторов – становление рефлексивной социально-природной реальности, обретающей нелинейный характер развития, что предполагает формирование, соответственно, нелинейного знания, основанного на переходе от традиционного выявления жёстких корреляций между фактами и явлениями к теоретико-методологическому инструментарию, способному учесть многочисленные неопределённости, пришедшие в нашу жизнь, которые проявляются в виде социальных разрывов, культурных травм, ненамеренных последствий инновационной деятельности человека. По существу, инструментарий формирования нелинейного знания только создаётся, поэтому в нормативные документы, посвящённые безопасности России, подчас попадает «апробированное, устоявшееся» знание, но относящееся к ранее существовавшим реалиям и другому времени, что создаёт проблемы для научного прогноза развития международных и военно-политических отношений. Если результаты естественных наук абсолютизируются и противопоставляются социальным и гуманитарным наукам, а также междисциплинарности, то это также делает уязвимым итоговое знание.

Субъективные факторы значимо сказываются на валидности научного знания. Исследователи неизбежно подвержены влиянию особенностей цивилизации и культуры, в которых они живут и работают, опыту социализации и самосоциализации. Но наибольший ущерб валидности знания наносится тогда, когда национальные интересы вытесняются групповыми, тем более личностными интересами учёных. Эти усложняющиеся реалии востребовали переход от безусловного доверия к научному знанию к рефлексивному доверию, концепция которого предлагается: в основе такого типа доверия лежит риск – определённая степень уверенности в адекватности задействованного теоретико-методологического инструментария;

УДК 001.6, 327

Поступила в редакцию 20.01.2018 г.

Принята к публикации 20.04.2018 г.

кроме научной учитывается социальная рациональность; предполагается критическая проверка любой теории; принимается во внимание фактор инсценированного доверия, получающего распространение в виртуальной реальности; в валидность знания вводится критерий его гуманистической составляющей.

Ключевые слова: доверие, рефлексивное доверие, инсценированное доверие, знание, валидность, рефлексивность, нелинейное развитие, неопределённость, риск, безопасность, угроза, прогноз

Валидное знание о международных и военно-политических условиях развития России, вытекающее из новой военно-политической обстановки в XXI в., лежит в основе анализа и стратегического прогноза всех процессов и аспектов будущей российской политики в области безопасности в силу приоритетности такой политики по отношению ко всем другим аспектам развития государства. Это утверждение превратилось в своего рода аксиому после принятых нормативных документов, посвящённых стратегии национальной безопасности. Однако детали изложены там достаточно общо, что не всегда обеспечивает их практическое использование в научной экспертизе и политической деятельности. Поэтому проблема научного анализа и прогноза развития международных отношений (МО) и военно-политических отношений (ВПО) приобрела исключительно важное значение для принятия наиболее эффективных политических решений в области национальной безопасности.

Теоретико-методологический инструментарий прогнозирования безопасности

В последние два десятилетия было принято много важнейших стратегических документов, определяющих основные приоритеты и концепции обеспечения национальной безопасности России, среди которых важное значение имеют Стратегия национальной безопасности¹, Военная доктрина, Морская доктрина, Концепция внешней политики и особо отметим ФЗ РФ «О безопасности», 4 статья которого определяет взаимосвязь всех средств и мер политики государства: «Государственная политика в области обеспечения безопасности является частью внутренней и внешней политики Российской Федерации и представляет собой совокупность скоординированных и объединённых единым замыслом политических, организационных, социально-экономических,

¹ Путин В.В. Указ Президента РФ «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» № 683 от 31 декабря 2015 г. [Электронный ресурс] // Президент России, 31.12.2015. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/40391> (дата обращения: 13.08.2017).

военных, правовых, информационных, специальных и иных мер»². Эти и другие документы должны составить нормативно-правовую и административную основу для разработки и использования средств, способов и мер по обеспечению безопасности страны в качественно новых условиях ВПО, сложившихся после 2014 г. [33, с. 78-79].

К сожалению, далеко не все они тесно взаимосвязаны между собой, а их логическая и нормативная зависимость от Стратегии национальной безопасности (в особенности, когда речь идёт о финансовых, бюджетных и социально-экономических решениях) не всегда очевидны. Так, в Стратегии сделан только самый первый шаг: выделены типы безопасности – военная, политическая, экономическая и другие, но анализ, тем более прогноз, не были осуществлены. Это позволяет вполне справедливо утверждать, что в России до настоящего времени не воссоздана строгая система обоснования и принятия решений в области безопасности, в основе которой лежат достаточно валидные знания и информация [30].

Обеспечение безопасности нации и государства – главный интерес любого суверенного актора МО и ВПО, потому что без его реализации исчезает сам этот актор: государство и нация могут развиваться с разной степенью успеха, но только до тех пор, пока они сохраняют имманентные *качества системы*, отвечают, как считает Т. Парсонс, четырём основным функциональным требованиям: 1) *адаптации*, предполагающей безопасность системы через приспособление к её внешней среде; 2) *целестижению*, означающему, что система должна выработать цели и достигать их; 3) *интеграции*, предполагающей способность системы осуществлять внутреннюю регуляцию и координацию элементов системы действия; 4) сохранению *генетического кода*, осуществляя поддержание своего «культурного образца» [25]. Таким образом, сама *жизненность* государств и наций определяется их безопасным и эффективным функционированием. Знание этих требований обеспечивает основу для будущего развития.

Иногда правящие элиты полагают, что интересы безопасности могут уступить место другим (религиозным, экономическим, личностным) соображениям. В этих случаях, как правило, возникает нефункциональность и даже дисфункциональность государства, которое лишается суверенитета и обрекается на исчезновение, вслед за чем следует неизбежное уничтожение и исчезновение нации как системы, о чём ещё в 50-е гг. прошлого века писал И.А. Ильин [8].

Из цели обеспечения безопасности государства и нации вытекает задача разработки среднесрочной (до 2025 г.) и долгосрочной (до 2050 г.) перспектив развития России, валидное знание о которых должно иметь *междисциплинарную основу* [15, с. 22-30]. Ставка на *интегральное знание* о безопасности России имеет принципиальное значение: никакая другая политическая область не тре-

² Федеральный закон Российской Федерации «О безопасности» № 390-ФЗ от 28 декабря 2010 г. Статья № 4 [Электронный ресурс] // Президент России, 31.12.2015. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/32417> (дата обращения: 13.08.2017).

бует такого органического сочетания достижения из самых разных наук – от экономики, военной области, до информационных и гуманитарных областей. Специалисты в сфере национальной безопасности должны вполне профессионально ориентироваться в экономике, политике, социологии, военной, информационной, валютно-финансовой, культурной, образовательной научной и других областях. Не менее важно, чтобы такие специалисты обладали и достаточным уровнем философской, социогуманитарной, теоретической и методологической подготовки, необходимой как для общего, так и специального анализа. В итоге интегральное знание обычно формализуется в некие сценарии и их варианты, которые являются их логическими и эмпирическими моделями.

Важно отметить, что на всех этапах выработки знания будет оказывать влияние *субъективный, личностный фактор*, который выражается в особенностях цивилизации и культуры [34], характере обыденного сознания [22], опыте социализации и самосоциализации [20]. Но главное, специалисты в области национальной безопасности должны работать на интересы безопасности России, а не на групповые, тем более личностные интересы. Как ни странно, но такие «специалисты» и политики не только существовали, но и доминировали в недавнем прошлом. Интересно в этой связи признание известного специалиста по России Стивена Коэна, которого не заподозришь в необъективности: «Идея того, что США могут переделать Россию по своему образу и подобию или, по крайней мере, смогут “думать за русских”, возникла впервые после Второй мировой войны, в среде апологетов холодной войны... этот миссионерский порыв превратился в настоящий крестовый поход, и сделала это администрация Клинтона (хотя, нужно заметить, не без поддержки Республиканской партии в Конгрессе)» [7].

Субъективный фактор, безусловно, сильно сказывается на производстве знания, соответственно, на прогнозе, в особенности долгосрочном, иногда искажая его до неузнаваемости, а иногда и заведомо подгоняя под нужный результат. В этом проявляется огромная личностная роль исследований в социальной сфере, которые могут быть ангажированы и политизированы [35].

Для минимизации влияния субъективного фактора мировой социальной мыслью были выработаны и предложены *критерии доверия к знанию*. Особый вклад в эту проблематику внёс К. Манхейм, исследовавший сложные взаимоотношения истины и лжи как в общественном сознании, так и научном дискурсе. Отметим предложенные им наиболее важные критерии валидности знания и доверия к нему:

– наличие *эмпирического материала*, позволяющего, в частности, выявлять меру соответствия теоретико-методологического инструментария тому, что исследуется и измеряется. Социолог отмечает: «развитие теоретических наук непосредственно зависит от развития наук эмпирических» [21, с. 241];

– *ликвидация монополии на истину*, конкуренция учёных в отстаивании различных идей;

– необходимо выявлять *базовые ценности «истины»*, а также *латентные мотивации* исследователей, которые включают не только рациональное, но и *коллективное бессознательное*: «Исследование объекта не есть изолированный акт; оно происходит в определённом контексте, на характер которого влияют ценности и коллективно-бессознательные волевые импульсы» [21, с. 15];

– важным фактором доверия к знанию является *политическая дискуссия*, которая «с самого начала есть нечто большее, чем теоретическая аргументация; она срывает маски, открывает неосознанные мотивы, связывающие существование группы с её культурными чаяниями и теоретической аргументацией» [21, с. 40];

– учёт *теологического знания*. Хотя оно не способно схватывать социальные инновации, тем не менее, религиозные истины содержат интуитивные прозрения и глубокие метафизические догматы, указывающие на те *гуманные критерии*, по которым следует оценивать знания;

– необходимо принять во внимание знание конкретных социальных групп, которое, разумеется, лишь *часть* социального знания. Но оно представляет своего рода *документ*, по которому можно сделать представление о духе эпохи в целом;

– важным критерием доверия к знанию социолог считает «демократическое требование общезначимости» [21, с. 143]. Представляется, сегодня данный критерий обретает особую актуальность в контексте предпринимаемых попыток нигилистического пересмотра истории Второй мировой войны или конструирования «угроз», исходящих де от российского руководства.

Поэтому основу любого политического анализа составляет прежде всего учёт *совокупных критериев доверия к знанию* о состоянии того или иного объекта, т.е. интегральная оценка существующего. Эти критерии – если к их использованию относиться вполне добросовестно, – могут дать достаточно валидную картину мира, которую далее можно интерпретировать и прогнозировать её развитие, познать с помощью апробированных инструментов анализа.

Однако невозможно взять и «отменить» субъективность в политическом анализе, ибо главным актором политики остаётся человек, роль которого ныне возрастает [29]. Выбор сценария развития и его варианта во многом зависит от того или иного набора откровенно субъективных факторов. Иногда очень сильно и даже только от них [31, с. 41-50]. Речь прежде всего идёт о качестве знания правящей политической элиты, которая (как неоднократно показывала история России) способна радикально и в короткие сроки повлиять на вектор развития страны и общества. Но элита существует не только как некая социальная общность, но и как группа личностей, каждая из которых обладает собственным знанием о добре и зле в политике. Столкновение, противодействие этих воль и мнений в конечном счёте и определяют тот или иной конкретный вариант развития событий.

На практике узвимость знания («антиномичность» [3, с. 277], односторонность, идеологизированность, приверженность простым, линейным решениям

и т.д.) означает, что нередко те или иные представители советско-российской элиты играли негативную роль. Речь идёт о достаточно широкой социальной группе лиц, занимавших в последние 30 лет откровенно антигосударственную позицию, перейдя на принципы неолиберализма, представлявшие чуждое для российской культуры знание. По мнению Ж.Т. Тощенко, распад СССР привёл к краху устоявшегося образа жизни, пересмотру ориентаций и ценностей – исчезла база того мировоззрения, на которую опирались люди. Приход в жизнь капитализма авантюристического типа, рыночных отношений, основанных на иррациональном стремлении к наживе, стимулировал появление *новых социальных типов в виде фантомов*, которые «активны и самым губительным образом участвуют в манипулировании общественным мнением» [36, с. 71]. Общее, что их объединяет, это антинациональный подход, приверженность западной системе ценностей, фактическое отрицание сколько-нибудь положительного значения национальной культуры и интересов [26]. Примечательно, Россия, пожалуй, одна из немногих стран, где представителям подобных групп даётся право и возможность активно участвовать в формировании общественного мнения.

В силу всего этого политический анализ и прогноз остаются весьма субъективными процессами. Вместе с тем со своей стороны предложим ряд новаций в теоретико-методологический инструментарий прогнозирования, которые призваны минимизировать фактор субъективности, по крайней мере, в сфере производства научного политического знания:

- во-первых, необходимо учитывать *переоткрытия социальной реальности* в контексте её динамики, что является показателем валидности знания [14, с. 27-37];

- во-вторых, принять во внимание *динамику научного мышления и воображения*, которое ныне распространяется на социо-природные реалии [12, с. 14-24];

- в-третьих, учесть фактор «стрелы времени», распространяющийся на социальные и природные реалии и представляющий перманентный вызов знанию [17, с. 110-124]. Соответственно, конструируются новые и уточняются ранее использовавшиеся понятия, что создаёт основу для междисциплинарного практически ориентированного политического анализа в противовес симулякрам и перформансам, которые вошли в нашу жизнь [39] и используются не только для интерпретации, но и искусственного конструирования реалий;

- в-четвёртых, возрастает значимость *интегрального научного знания*, включающего в себя достижения из самых разных наук, что в итоге компенсирует субъективизм тех или иных оценок;

- в-пятых, необходим адекватный ответ лженауке, чтобы противостоять *диффузии референтов* доверия к научному знанию;

- в-шестых, любой анализ и прогноз *не должны быть простой экстраполяцией существующих реалий и тенденций*. Мир нелинейно развивает-

ся, усложняется, неизбежно сталкивается со сменой основных парадигм своего развития, а в переходные периоды (в одном из которых мы со всей очевидностью находимся сегодня) эта смена происходит особенно быстро и радикально, зачастую, приобретает характер *метаморфоз* [13, с. 3-14]. Из этого следует, что в прогнозах на долгосрочную перспективу следует учитывать неизбежность *радикальных перемен* [23];

– наконец, в-седьмых, любой анализ и прогноз (именно в силу влияния субъективных факторов) *многовариантен*, состоит из многих сценариев (возможных и наиболее вероятных) и их конкретных вариантов. Тех, которые в итоге реализуются на практике. Вот почему при политическом анализе и прогнозе всегда присутствуют несколько конкретных вариантов реализации того или иного сценария. Это не просто желательно, но и объективно необходимо для того, чтобы сценарий в условиях конкретной реализации оставался многовариантным, а, значит, сохранялись условия для его корректировки. Так, начало 2018 г. для России ознаменовалось выбором одного из вариантов развития в рамках существующего инерционного сценария после фактического завершения выхода из кризиса последних лет. Эта возможность означала выбор того, по какому варианту *уже будет развиваться, а не выходить из кризиса Россия*. На наш взгляд, любой сценарий развития России в 2018–2050 гг. будет формироваться под очень сильным (и усиливающимся) влиянием внешних факторов, которые могут оказаться даже решающими в этот период: мир становится всё более взаимозависимым. Вот почему сегодня влияние внешних факторов – как положительных, так и отрицательных – не идёт ни в какое сравнение с влиянием ещё в недавнем прошлом, когда можно было бы как-то «изолироваться» от внешнего мира. Парадоксально, что параллельно с усилением этой тенденции взаимозависимости стремительно развивается и противоположная тенденция, связанная с ростом самоидентификации наций. Эти два взаимосвязанных, но противоречивых процесса, естественно, амбивалентно будут влиять на национальную безопасность России: с одной стороны, сохранится противостояние западной и российской локальных цивилизаций, а с другой, – ввиду центробежных тенденций национального толка неизбежно будут нарастать противоречия внутри западной коалиции.

Валидное знание о современных военно-политических условиях развития России

Любой анализ и военно-политический прогноз начинается прежде всего с использования апробированного инструментария для оценок состояния того или иного объекта, что в итоге формирует знание, которое может быть более или менее точным (даже неадекватным) в силу самых разных причин – сложности анализируемых реалий, а также профессиональных, личных, политических, идеологических или иных. Валидное знание предполагает первый, наиболее от-

ветственный и обязательный шаг, – определение существующих и будущих *военно-политических тенденций*³ в развитии акторов, а также МО и ВПО, за которым следует стратегический прогноз, чёткое целеполагание и распределение необходимых ресурсов [27, с. 9-10]. При этом, как первое, так последующие и итоговые действия нельзя рассматривать упрощённо, линейно.

При анализе и прогнозе состояния того или иного актора (в нашем случае – России) мы исходим из следующего. Во-первых, валидность прогнозного знания достижима и реальна потому, что *будущее уже существует* в той или иной степени в политике, экономике и военном деле сегодня. Нужно только максимально учесть соотношение явных и латентных реалий, понять тенденции их *нелинейного развития* в контексте рефлексивности как структур, так и акторов. Это можно сделать только при условии междисциплинарного анализа, максимально удалённого от политизированной и идеологизированной ангажированности, которая в определённой степени всегда присутствует при проведении экспертизы. В условиях *рефлексивного модерна* [44] разрывы социума, культурные травмы и даже «вдруг-события» [6, с. 13-70], по существу, становятся нормой, что мы определили как состояние «нормальной аномии» [10, с. 17-33]. И всё же подавляющее большинство явлений появляется в истории не сразу, им предшествуют некие предпосылки, сигналы, проявляющиеся в *неявном знании, дискурсе*, который, по М. Фуко, представляет силу [37]. Так, ещё в конце 90-х гг. выдвигались суждения о том, что неизбежным следствием кризисного развития СССР и России в предыдущие годы к власти в стране должен прийти некий «либеральный дракон» [32, с. 23-25] – в политике появился В. Путин.

Во-вторых, при всей важности учёта субъективных особенностей, мы исходим из того, что существует достаточно много объективных факторов и тенденций, постоянных величин, долгоживущих ценностей и референтов, которые позволяют производить валидное знание о настоящем и прогнозировать будущее. В условиях сложного *турбулентного социума*, который стал специальным предметом исследования на X Конференции ЕСА [18, с. 6-13], особенно важно не игнорировать «мелкие» объективные реалии, даже если они кажутся незначительными, мешающими выявлять корреляции. Общим для всех сфер такого социума является *имманентность эффекта бабочки*, для понимания которого необходимо нелинейное мышление и рефлексивное знание. Суть эффекта в том, что даже, казалось бы, *малозначимые* действия или реалии ныне способны вызвать *лавинообразные последствия*, которые *проявляются нелинейно во времени и пространстве*. Под влиянием эффекта бабочки явно стабильные режимы оказываются в коллапсе [48, р. 237]. «Небольшие изменения в прошлом, – пишет Дж. Урри, – способны потенциально произвести огромные последствия

³ **Военно-политические тенденции** – эд. относительно устойчивые возможности, векторы развития внешней и внутренней политики государств, характеризующие состояние и перспективы их безопасности, прежде всего, в военной области.

в настоящем или будущем. Такие маленькие события “не забываются”. Теория хаоса, в частности, отвергает представления здравого смысла о том, что только большие изменения могут вызывать большие последствия... Выразим эту мысль проще – нет согласующихся отношений между причиной и результатом события. Скорее, отношения между переменными могут быть нелинейными с внезапным включением происходящего, так что одна и та же причина может в специфических обстоятельствах производить разные виды последствия» [47, р. 23]. Из этого следует, что валидность знания предполагает учёт, на первый взгляд, «малозначимого», проявляющегося лишь латентно. Поэтому там, где это возможно, мы пытаемся максимально детализировать, формализовать и систематизировать объективные факторы, предполагающие *дальнейшее нелинейное развитие*. Так, например, мы полагаем, что два направления в развитии военных потенциалов – системы воздушно-космической обороны и противоспутникового оружия – будут иметь решающее значение для национальной безопасности России даже по сравнению с тем, какое они имеют в 2018 г. Именно они будут определять основные параметры стратегического паритета в будущем, хотя сегодня доминирует точка зрения, что эта роль будет принадлежать стратегическим наступательным вооружениям, а значит, и соответственно происходит распределение ресурсов [28]. Эти оценки разделяют американские эксперты из Ассоциации по контролю над вооружениями, которые заявили после публикации выдержек из новой ядерной стратегии США в январе 2018 г., что «холодная война по версии 2.0 даёт толчок двум областям в гонке вооружений (в дополнение к существующим) – накоплению средств ПРО и средств для войны в космосе» [4].

В-третьих, в валидном знании всегда присутствует *многовариантность развития* тех или иных сценариев и переход внутри них от одного к другому конкретному варианту. При этом можно и обязательно нужно попытаться вычлени из этого огромного числа возможных сценариев (и обосновать) *наиболее вероятные*, а из них – «почти» неизбежные варианты, которые могут лечь в основу той или иной концепции. В частности, в работах, посвящённых «перезапуску» знания о будущем страны, её безопасности, мы предлагаем как возможные, так и наиболее вероятные (и даже «неизбежные») сценарии развития России, пытаясь обосновать не только их характеристики, но и степень вероятности [19, с. 211-226]. Там, где это возможно, мы всегда использовали этот приём, предлагая знание в виде своей гипотезы или концепции [31].

В-четвёртых, авторская концепция о многовариантности развития, по существу, исходит из *релятивности* и *рефлексивности* современного знания. Некоторые исследователи считают, что акцентирование своей позиции – ненаучный подход. Однако, такой объективизм ведёт к фактическому сохранению

⁷ Kozin V. The Unacceptable Risk of Trumps Nuclear Strategy [Электронный ресурс]. // Orient-talreview.org, 17.01.2018. URL: <https://orientalreview.org/2018/01/17/unacceptable-risks-trumps-nuclear-strategy/> (дата обращения: 13.08.2017).

позитивистского, линейного мышления и, соответственно, абсолютизации определённой точки зрения. Иногда она закрепляется в научных работах и политических документах. Так, долгие годы ряд учёных навязывал общественному мнению необходимость игнорирования усилий США в области создания широкомасштабной системы ПРО. У них, строго говоря, не было серьёзных аргументов, а тем более концептуального знания, объясняющего, зачем же создаётся «бесполезная ПРО». Поэтому лучше – перспективнее с точки зрения современного валидного знания – с самого начала придерживаться *концептуализации знания*, несмотря на то, что предлагается его релятивность, возможность критики и даже отрицания с учётом *дальнейшего нелинейного развития* реалий.

В-пятых, весьма важно принять во внимание знание о *неэкономических факторах* развития России, которое необходимо для долгосрочного прогнозирования национальной безопасности. Академик РАН М.К. Горшков, осуществляя диагностику нынешнего этапа развития российского социума, выделил как *базисные*, так и *ситуативные, переменные* факторы, определяющие, с одной стороны, *уникальную устойчивость* ментально-ценностных характеристик россиян, а с другой, – вектор и параметры динамики социокультурного развития. Диагностика учитывала конкретные возможности задействования всех ресурсов общества, его экономического, духовного, нравственного, социокультурного и психологического потенциала в моделях ускоренного экономического развития страны до 2030 г. [5, с. 9], что позволяет не только оценивать нынешнее состояние России, но и прогнозировать её безопасность в будущем.

Становление рефлексивного доверия к научному знанию

Сегодня возникли *принципиально новые вызовы* доверию к научному знанию, связанные с *доверием к нелинейному знанию*, сложность которого увеличивается – оно становится результатом *многих парадигм*, созданных как научными школами, так и отдельными авторами. Парадигмы перманентно обновляются, а их теоретико-методологический инструментарий одних зачастую противоречит инструментарию других, что, естественно, ставит под вопрос известные типы детерминизма, устоявшиеся истины и ведёт к *дисперсии* и *короткоживучести* знания, что соответственно, вызывает недоверие к нему. Даже для учёных, людей креативных, переход от позитивистского к нелинейному мышлению может представлять психологическую проблему и культурную травму. В повседневной же жизни можно столкнуться с тем, что люди склонны доверять «железным, единственно правильным» истинам, *всезнающим* учёным, журналистам, политическим комментаторам, чьё мнение представлено в СМИ, и не доверять *сомневающимся (рефлексирующим)* экспертам. Сказывается давление стереотипов позитивизма, сформировавшегося в течение многих лет общественного сознания, ориентированного на линейные корреляции фактов, легкие и быстрые решения сложных проблем. Несомненно, позитивистские принципы, в своё время

сыгравшие историческую роль в переходе от религиозного к научному знанию, могут быть использованы и сегодня, но только для анализа локальных реалий, взятых в конкретном времени. Доминирующим же инструментарием ныне становятся *рефлексивные парадигмы*, а также *междисциплинарные подходы* – они предлагают валидное знание, основанное на признании *эффектов стрелы времени*, соответственно, более адекватно отражающее турбулентности современного мира.

Переход же от позитивистского к нелинейному мышлению, на наш взгляд, осуществляется *достаточно медленно*. Так, в дискурсе политических дебатов, подчас, сохраняется линейная обусловленность политического авторитета страны от её ВВП. Между тем, как мы полагаем, здесь рельефно утверждается *нелинейная тенденция*: политическое влияние России – тот мощный ресурс, который значительно сильнее её позиций в экономике и даже в военной области. Это влияние во всё возрастающей степени обусловлено не столько военной мощью, сколько степенью развития *человеческого капитала*, научных и культурных институтов, переориентацией с прагматических целей на социальные и гуманитарные, что начинает беспокоить Запад, до сих пор полагающийся на прагматизм и меркантилизм. Отсюда потуги по ограничению роли России в международных организациях и институтах, спорте, культуре, даже в сфере обмена информацией, свобода которой лишь декларируется. Используется весь набор средств принуждения, давления на нашу страну во всех, даже не самых значительных областях международного сотрудничества [7, с. 273-306].

Эти реалии востребовали переход от безусловного к *рефлексивному доверию к научному знанию*. Такой тип доверия прежде всего предполагает *риск* – определённую степень уверенности в том что, задействованный теоретико-методологический инструментарий валиден, а полученные результаты верны [16, с. 19-20]. Риск вошёл как в реальную жизнь, так и в знание о ней. Немецкий социолог У. Бек явился пионером в создании интегральной междисциплинарной теории «общества риска» [1]. В основу её методологии положены идеи о *неодетерминизме и нелинейном развитии* социо-природных реалий, а также подход к исследованию неопределённостей и рисков. Социолог подчёркивает, что тот, кто «все ещё находится в плену мифа о линейности и разделяет тезис о культурной конвергенции как непосредственном следствии экономической унификации, – попросту невежественный человек» [2, с. 213]. Если прежние (позитивистские) методологии были основаны на *принудительной каузальности*, то ныне они заменяются инструментариями, ориентированными на выявление *сложной причинности* функционирования гибридов социо-природных реалий, для которых характерно резкое увеличение производства неопределённостей.

Хотя с существенными сопротивлениями, но утрачивается доверие к прежним методологиям и «жёстким» формам знания в силу их *теоретического монизма и линейных оснований*. Преодолеть слабости позитивистского подхода и утвердить *качественно новое доверие* к научному знанию У. Бек пытается с по-

мощью концепции *риск как знание*, предполагающей синтез разных подходов в «интегральную парадигму» [42, p. 76].

Ответ на возникшие вызовы прежнему доверию к научному знанию У. Бек также видит в *переоткрытии* самого соотношения бытия и сознания, что предполагает методологию, делающую акцент на новых нелинейных корреляциях между ними: «В классовых обществах бытие определяет сознание, в то время как в обществе риска сознание определяет бытие» [1, с. 26]. На наш взгляд, это суждение несколько радикально, и оценка его валидности возможна лишь через призму рефлексивного доверия. Тем не менее, нельзя убежать от реалий общества риска, которое, однако производит не только риски, но и *особую рефлексивность* в отношении них, что делает востребованным становление *рефлексивного доверия* к знанию, включающего в себя не только научную, но и *социальную рациональность*, т.е., по существу, *рациональность здравого смысла*, которой ранее вообще отказывалось в доверии. «В дискуссиях о рисках, – отмечает социолог, – обнажаются трещины и разрывы между научной и социальной рациональностью... Несколько изменив известное высказывание, можно утверждать: научный рационализм без социального *пуст*, социальный без научного – слеп» [1, с. 34, 35]. Это новый факт: доверие к научному знанию стало основываться не только на авторитете учёных, профессиональных экспертов, но и на общественном мнении непрофессионалов, чьи суждения не так давно уничижительно оценивались как «некомпетентные». Ситуация изменилась – сегодня общество состоит не из совокупности индивидов, а *социальных акторов*, проявляющих свою *рефлексивность* и *способность к самотворению*, что, по Э. Гидденсу, «предполагает контроль не только собственного поведения, но и действий окружающих» [4, с. 43]. Из этого фактически следует, что не только специальные научные структуры, но *самые разные люди*, подчас далекие от науки, будучи акторами, собирают информацию о социо-природных турбулентностях, вызовах терроризма, политических и военных действиях и, конечно, о том, как эти реалии интерпретируются научными экспертами, воспроизводя в итоге социальную рациональность и формируя рефлексивное доверие к знанию.

Рефлексивное доверие к знанию также основано на «*организованном скептицизме*», который, по Р. Мертону, предполагает критическую проверку любой теории [45], на том, что «общество риска по своим возможностям есть общество самокритичное» [1, с. 271]. При этом утверждается понимание того, что в современных условиях роста неопределённостей «нет ни единственного, ни “наилучшего” решения – их всегда несколько» [41, p. 19]. Иными словами, самокритичность становится *фактором рефлексии* относительно принимаемых решений, что формирует всё большее доверие именно к *интегральному* (междисциплинарно-научному и социальному) знанию. Признание «конца определённости» побуждает и учёных, и простых людей всё более занимать критическую и самокритическую позицию, доверять скорее *релятивному, динамичному*

знанию, чем «высшему, единственно верному» знанию конкретных авторитетов, не говоря уже об исторически стареющем позитивистском знании.

В рефлексивном доверии к знанию присутствует компонент, говоря словами У. Бека, «инсценированной реальности глобального риска»... «Инсценирование» здесь не предполагает в разговорном смысле намеренную фальсификацию реальности посредством преувеличения “нереальных” рисков. Разница между риском как ожидаемой катастрофой и реальной катастрофой заставляет нас воспринять роль инсценирования серьёзно» [43, р. 10]. Из этого следует, что ныне для подавляющего большинства акторов значимы не только привычные объективные и субъективные реальности, но и пришедшая в нашу жизнь *виртуальная реальность*, в которой факты и события *инсценируются*, т.е. *социально и культурно конструируются*. В социальных сетях виртуальной реальности коллективные и индивидуальные акторы осуществляют самопредставление и отслеживают действия других. Естественно, само функционирование сетей было бы невозможным без существенной степени доверия к знанию, циркулирующего там. Подчас складывается парадоксальная ситуация: виртуальным политикам, блогерам оказывается значительно большее доверие, чем реальным политикам и экспертам. Идет борьба за лайки, их формальное количество становится принципиально новым критерием доверия к знанию. На этой почве возникает и получает распространение *инсценированное доверие*. Реалии современного общества таковы, что на *результатирующее доверие* к знанию всё более влияет *виртуальная реальность* в виде социально и культурно сконструированных *смыслов доверия*. По существу, они осуществляют *рефлексивный контроль* за качеством нашей жизни, динамикой социальных, политических, военных реалий, окружающих нас, за предложениями альтернатив, как в этих условиях действовать, на каких референтов следует полагаться.

Проблема инсценирования смыслов реальности весьма новая и сложная как для эффективной адаптации индивидов, так и для обеспечения национальной безопасности страны. Дело в том, что в современном обществе не только увеличивается само *количество смыслов*, но и в том, что смыслы одних и тех же реалий носят, подчас, *весьма дисперсионный и противоречивый* характер. Критерии истины, представлений о добре и зле размываются, а образы врагов и друзей инсценируются. «В нашем постмодернистском мире, – пишет американский социолог Дж. Александер, – фактические суждения и фиктивные *нарративы* плотно переплетены. Бинарности символических кодов и истинных/ложных суждений накладываются друг на друга» [23, р. 5]. В итоге утверждается состояние, обозначенное нами как «*нормальная аномия*» [24], которое предполагает *диффузию знания и референтов доверия к нему*. Простые люди поставлены в положение, когда они перманентно вынуждены рефлексировать относительно новых *инсценируемых* врагов и угроз. Да и самим учёным приходится иметь дело с диффузным доверием к определённому научному знанию: никто не может предсказать ненамеренные последствия научных и технических инноваций, особен-

но в сфере созданий систем сверх-быстрых вооружений, функционирующих на основе искусственного интеллекта. Как сложные системы они имманентно подвержены «нормальным авариям», представляющими серьёзные уязвимости для всего живого [46].

Таким образом, под рефлексивным доверием понимается постоянное отслеживание акторами изменений, происходящих в социо-природных реалиях, соответственно, в знании о них, критическое принятие переоткрытий через призму как научной, так и социальной рациональности. В него включается осознание необходимости *гуманистической составляющей* в научном знании. Полагаем, именно из-за умаления значимости социальной рациональности и особенно гуманистической составляющей в современном знании доверие к нему уменьшается. П. Штомпка отмечает глобальный негативный тренд: «Всё говорит о том, что мы живём в век недоверия» [38, с. 410].

Сказанное выше позволило нам обосновать *парадокс рефлексивного доверия*: растёт производство научного знания, *повышается его рациональная валидность, но понижается валидность социальная*. В реальной жизни имеет место флуктуация доминирования то рациональной, то социальной составляющих в современном научном знании. Результаты этого противоборства, в значительной степени определяемые интенсивностью производства инсценированного доверия, имеют амбивалентные последствия. С одной стороны, пространство получает *рискophobia*. Часть людей обеспокоена своей *онтологической безопасностью*. Под ней Э. Гидденс понимает доверие, которое «являют собой природный и социальный миры, включая базовые экзистенциальные параметры самости и социальной идентичности» [4, с. 499]. Эти люди бегут от формально-рациональных достижений современной науки, обращаясь к религиозной вере и лженауке, видят себя в дауншифтинге, рутинизации своего стиля жизни. С другой стороны, получает развитие противоположная тенденция – *рискophilia*, предполагающая добровольное и сознательное принятие рисков и неопределённостей в профессиональной и повседневной деятельности. Обе тенденции – *рискophobia* и *рискophilia* – это *прагматические и меркантильные* реакции на общий тренд недоверия к научному знанию в современном обществе. Преодолеть его, равно как и парадокс рефлексивного доверия, на основе базовых принципов неолиберализма – формальной рациональности, прагматизма, меркантилизма – *невозможно*. Выход из сложившейся ситуации нам видится в *гуманистическом повороте*, теоретические основы которого мы стали разрабатывать порядка десяти лет назад и впоследствии неоднократно возвращались к этой теме [11, с. 12-23]. Главная проблема не в усложнении научного знания, а, подчеркнём, в *его развитии без адекватного гуманистического стержня*. Отмеченным вызовам недоверия к тенденциям роста научного знания нами противопоставляется *его гуманизация*, предполагающая отказ от формально-прагматического вектора развития науки, переход к качественно новому типу *рефлексивного доверия* с ориентацией на валидность знания сообразно

критериям современных принципов гуманизма. Полагаем, гуманизация научно-го знания повысит не только доверие к нему, но будет в конечном счёте работать на национальную безопасность не только России, но и других стран.

Список литературы

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-традиция, 2000. 84 с.
2. Бек У. Что такое глобализация? М.: Прогресс-Традиция, 2001. 304 с.
3. Бердяев Н. Судьба России. М.: Эксмо-Пресс, Харьков: Фолио, 1998. 735 с.
4. Гидденс Э. Устроение общества. М.: Академический Проект, 2003. 528 с.
5. Горшков М.К. Российское общество как оно есть: (опыт социологической диагностики). В 2 т. Т. 1. / Горшков М.К. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Новый хронограф, 2016. 496 с.
6. Деррида Ж. Страсти // Эссе об имени / пер. Н.А. Шматко. Институт экспериментальной социологии, 1998. СПб.: Алетейя, 1998. С. 13-70.
7. Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии: монография / А.И. Подберезкин и др. М.: МГИМО-Университет, 2017. С. 273–306.
8. Ильин И.А.: Pro et contra: Личность и творчество Ивана Ильина в воспоминаниях, документах и оценках русских мыслителей и исследователей. СПб.: Русский Христианский гуманитарный институт, 2004. 895 с.
9. Коэн С. Провал крестового похода. США и трагедия посткоммунистической России. М.: АИРО-XX, 2001. 304 с.
10. Кравченко С.А. «Нормальная аномия»: производство «ничто» // Социологическая наука и социальная практика, 2015. № 3. С. 17-33.
11. Кравченко С.А. Востребованность гуманистического поворота в социологии // Социологическая наука и социальная практика, 2013. № 1. С. 12-23.
12. Кравченко С.А. Динамика социологического мышления и воображения // Социологические исследования, 2009. № 8. С. 14-24.
13. Кравченко С.А. Метаморфозы: сущность, усложняющиеся типы, место в социологическом знании // Социологические исследования, 2017. № 10. С. 3-14.
14. Кравченко С.А. Переоткрытие социальной реальности как показатель валидности социологического знания // Социологические исследования, 2014. № 5. С. 27-37.
15. Кравченко С.А. Салыгин В.И. Новый синтез научного знания: становление междисциплинарной науки // Социологические исследования, 2015. № 10. С. 22-30.
16. Кравченко С.А. Социологическая диагностика рисков, уязвимостей, доверия. М.: МГИМО-Университет, 2016. 434 с.
17. Кравченко С.А. Стрела времени: современные вызовы социологическому знанию // Социологическая наука и социальная практика, 2014. № 1. С. 110-124.
18. Кравченко С.А. К итогам X Конференции ЕСА // Социологические исследования, 2012. № 3. С. 6-13.
19. Кравченко С.А., Подберёзкин А.И. «Переоткрытие» знания о будущем: перспективы безопасности России до 2050 года / Вестник МГИМО-Университета, 2017. № 4 (55). С. 211–226.
20. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. СПб.: Наука, 2007. 644 с.
21. Манхейм К. Идеология и утопия // К. Манхейм. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994. 693 с.
22. Насонова Л.И. Обыденное сознание как социокультурный феномен. М.: Знак, 1997. 311 с.
23. Некоторые аспекты анализа военно-политической обстановки: монография / под ред. А.И. Подберёзкина, К.П. Боришполец. М.: МГИМО-Университет, 2014. 874 с.
24. «Нормальная аномия» в России и современном мире / под ред. С.А. Кравченко. М.: МГИМО-Университет, 2017. 281 с.
25. Парсонс Т. Некоторые проблемы общей теории в социологии. М.: ИНИОН РАН, 1994. 106 с.
26. Подберёзкин А.И. Современная военная политика России. М.: МГИМО-Университет, 2017. Т. 1–2. 817 с., 987 с.
27. Подберёзкин А.И. Военные угрозы России. М.: МГИМО-Университет, 2014. 268 с.
28. Подберёзкин А.И. Евразийская воздушно-космическая оборона. М.: МГИМО-Университет, 2013. 488 с.
29. Подберёзкин А.И. Национальный человеческий капитал. М.: МГИМО-Университет, 2011–2013. Т. 1–3. 362 с. 362 с. 101 с.
30. Подберёзкин А.И. Стратегия национальной

- безопасности России в XXI веке. М.: МГИМО-Университет, 2016. 338 с.
31. Подберезкин А.И. Третья мировая война против России: введение в концепцию. М.: МГИМО-Университет, 2015. 169 с.
 32. Подберезкин А.И., Жуков А.В. Факторы безопасности для российской нации, государства и общества. Угрозы силового использования социальных сетей / Научно-аналитический журнал Обозреватель-Observer, 2017. № 10. С. 23–25.
 33. Подберезкин А.И., Харкевич М.В. Возможен ли долгосрочный прогноз? К вопросу о методологии прогнозирования международных отношений / Свободная мысль, 2016. №4 (1658). С. 78-79.
 34. Степин В.С. Цивилизация и культура. СПб.: СПбГУ, 2011. 408 с.
 35. Стратегическое прогнозирование международных отношений: кол. монография / под ред. А.И. Подберезкина, М.В. Александра. М.: МГИМО-Университет, 2016. 743 с.
 36. Тощенко Ж.Т. Фантомы российского общества. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015. 668 с.
 37. Фуко М.П. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М.: Прогресс, 1977. 408 с.
 38. Штомпка П. Доверие – основа общества. М.: Лорос, 2012. 445 с.
 39. Alexander J.C. The Drama of Social Life. Malden: Polity, 2017. 189 p.
 40. Alexander J.C. The Meanings of Social Life. A Cultural Sociology. Oxford University Press, 2003. 296 p.
 41. Beck U. Cosmopolitan Version. Cambridge: Polity Press, 2007. 201 p.
 42. Beck U. Ecological Politics in an Age of Risk. Cambridge: Polity Press, 1995. 224 p.
 43. Beck U. World at Risk. Cambridge: Polity Press, 2010. 269 p.
 44. Beck U., Giddens A. and Lash S. Reflexive Modernization: Politics, Tradition and Aesthetics in the Modern Social Order. Stanford, CA: Stanford, University Press, 1994. 228 p.
 45. Merton R. The Sociology of Science: Theoretical and Empirical Investigations. Chicago: Chicago University Press, 1973. 605 p.
 46. Perrow Ch. The Next Catastrophe. Reducing Our Vulnerabilities to Natural, Industrial, and Terrorist Disasters. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2011. 432 p.
 47. Urry J. Global Complexity. Cambridge: Polity Press, 2003. 184 p.
 48. Urry J. The Complexities of the Global // Theory, Culture & Society. Sage Publications, 2005. Pp. 235- 254.

Об авторах:

Сергей Александрович Кравченко – д.филол.н., профессор, заведующий кафедрой социологии МГИМО МИД России, 119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76; главный научный сотрудник ФНИСЦ РАН, 117218, Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5. E-mail: sociol7@yandex.ru.

Алексей Иванович Подберезкин – д.и.н., профессор кафедры всемирной и отечественной истории, директор Центра военно-политических исследований МГИМО МИД России, 119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76. E-mail: vestnik@mgimo.ru.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 16-18-10411.

TRUST IN SCIENTIFIC KNOWLEDGE UNDER THE CONDITIONS OF NEW TREATS FOR NATIONAL SECURITY OF RUSSIAN FEDERATION

S.A. Kravchenko, A.I. Podberezhkin
DOI 10.24833/2071-8160-2018-2-59-43-62

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

The article shows that the validity of scientific knowledge being trustworthy is extremely important for ensuring national security. At the same time, there are objective and subjective factors that undermine confidence in it. Among the objective factors is the formation of a reflexive socio-natural reality that acquires a non-linear character of development that, accordingly, implies the formation, of non-linear knowledge based on the transition from the traditional revealing of rigid correlations between facts and phenomena to a theoretical and methodological instruments that can take into account many uncertainties that are manifested in the form of social disruptions, cultural traumas, unintended consequences of the innovation human activity. In essence, the instruments for the formation of non-linear knowledge is only being created, therefore, "approved, established" knowledge sometimes comes to the normative documents devoted to Russia's security, but related to previously existing realities and other time creating problems for the scientific forecast of the development of international and military-political relations. If the results of the natural sciences are absolutized and counterposed to the social and human sciences, as well as interdisciplinarity, this also makes the final knowledge vulnerable.

Subjective factors significantly affect the validity of scientific knowledge. The researchers are inevitably influenced by the features of civilization and culture in which they live and work, the experience of socialization and self-socialization. But the greatest damage to the validity of knowledge is inflicted when national interests are replaced by group interests, especially personal interests of scientists.

These complicating realities demanded a transition from unconditional trust to scientific knowledge to reflexive trust, the concept of which is proposed: this type of trust is based on risk as a certain degree of confidence in the adequacy of the involved theoretical and methodological instruments; as scientific as well as social rationality is considered; a critical test of any theory is assumed; there taken into account the factor of staged trust that is spreading in virtual reality; in the validity of knowledge the criterion of its humanistic component is introduced.

Key words: trust, reflexive trust, staged trust, knowledge, validity, reflexivity, non-linear development, uncertainty, risk, security, threat, forecast

References

1. Beck U. *Risk Society, Towards a New Modernity*. Transl. from the German by Mark Ritter, with an Introduction by Scott Lash and Brian Wynne. London, Sage Publ., 1992. 260 p. (Russ.ed.: Bek U. Obshchestvo riska. Na puti k drugomu

- modern. Moscow, Progress – traditsiia Publ., 2000. 384 p.)
2. Beck U. *Was ist Globalisierung? Irrtümer des Globalismus – Antworten auf Globalisierung*. Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1997. 270 S. (Russ. ed.: Bek U. Chto takoe globalizatsiia? Moscow, Progress– traditsiia Publ., 2001. 304 p.)
 3. Berdiaev N. *Sud'ba Rossii* [The fate of Russia]. Moscow, EKSMO-Press Publ., Khar'kov, Folio Publ., 1998. 735 p. (In Russian).
 4. Giddens A. *The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration*. University of California Press, 1984. 402 p. (Russ. ed.: Giddens E. Ustroenie obshchestva. Moscow, Akademicheskii Proekt Publ., 2003. 528 p.)
 5. Gorshkov M.K. *Rossiiskoe obshchestvo kak ono est': (opyt sotsiologicheskoi diagnostiki)* [Russian society as it is: (experience of sociological diagnosis)]. In 2 vol. Vol. 1. 2d ed. Moscow, Novyi khronograf Publ., 2016. 496 p. (In Russian).
 6. Derrida J. *Passions*. Paris, Galilée, 1993. 104 p. (Russ. ed.: Derrida Zh. Strasti [Passion]. Esse ob imeni [Essay on the name]. Trans. by ON. Shmatko. St. Petersburg, Institute of Experimental Sociology, Aleteiia Publ., 1998. Pp. 13-70.)
 7. *Dolgosrochnoe prognozirovaniye razvitiia otnoshenii mezhdu lokal'nymi tsivilizatsiyami v Evrazii* [Longterm forecasting of the development of relations between local civilizations in Eurasia] / A.I. Podberezkin. Moscow, MGIMO-Universitet Publ., 2017. Pp. 273–306. (In Russian).
 8. Il'in I.A.: *Pro et contra: Lichnost' i tvorchestvo Ivana Il'ina v vospominaniakh, dokumentakh i otsenkakh russkikh myslitelei i issledovatelei* [Il'in, IA: Pro et contra: Personality and creativity of Ivan Ilyin in reminiscences, documents and assessments of Russian thinkers and researchers]. St. Petersburg, Russkii Khristianskii gumanitarnyi institut Publ., 2004. 895 p. (In Russian).
 9. Cohen S. F. *Failed Crusade: America and the Tragedy of Post-Communist Russia*. W. W. Norton & Company, 2001. 320 p. (Russ. ed.: Koen S. Proval krestovogo pokhoda. SShA i tragediia postkommunisticheskoi Rossii. Moscow, Airo-Kh Publ., 2001. 304 p.)
 10. Kravchenko S.A. «Normal'naiia anomiiia»: proizvodstvo «nichtshto» [“Normal anomie”: the production of “nothing”]. *Sotsiologicheskaiia nauka i sotsial'naiia praktika*, 2015, no. 3, pp. 17-33 (in Russian).
 11. Kravchenko S.A. Vostrebovannost' gumanisticheskogo povorota v sotsiologii [Demand for a humanistic turn in sociology]. *Sotsiologicheskaiia nauka i sotsial'naiia praktika*, 2013, no. 1, pp. 12-23 (in Russian).
 12. Kravchenko S.A. Dinamika sotsiologicheskogo myshleniia i vooirazheniia [Dynamics of sociological thinking and imagination]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2009, no. 8, pp. 14-24 (in Russian).
 13. Kravchenko S.A. Metamorfozy: sushchnost', uslozhniiushchiesia tipy, mesto v sotsiologicheskome znaniie [Metamorphoses: essence, complicating types, place in sociological knowledge]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2017, no. 10, pp. 3-14 (in Russian).
 14. Kravchenko S.A. Pereotkrytie sotsial'noi real'nosti kak pokazatel' validnosti sotsiologicheskogo znaniia [The rediscovery of social reality as an indicator of the validity of sociological knowledge]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2014, no. 5, pp. 27-37 (in Russian).
 15. Kravchenko S.A. Salygin V.I. Novyi sintez nauchnogo znaniia: stanovlenie mezhdistsiplinarnoi nauki [A new synthesis of scientific knowledge: the establishment of interdisciplinary science]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2015, no. 10, pp. 22-30 (in Russian).
 16. Kravchenko S.A. *Sotsiologicheskaiia diagnostika riskov, uiazvimostei, doveriia* [Sociological diagnosis of risks, vulnerabilities, trust]. Moscow, MGIMO-Universitet Publ., 2016. 434 p. (In Russian).
 17. Kravchenko S.A. Strela vremeni: sovremennye vyzovy sotsiologicheskome znaniiu [The arrow of time: modern challenges to sociological knowledge]. *Sotsiologicheskaiia nauka i sotsial'naiia praktika*, 2014, no. 1, pp. 110-124 (in Russian).
 18. Kravchenko S.A. K itogam Kh Konferentsii ESA [Towards the results of the X Conference of the ECA]. *Sotsiologicheskie*

- issledovaniia*, 2012, no. 3, pp. 6-13 (in Russian).
19. Kravchenko S.A., Podberezkin A.I. «Pererotkrytie» znaniia o budushchem: perspektivy bezopasnosti Rossii do 2050 goda [“Rediscovering” knowledge about the future: the prospects for Russia’s security until 2050]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 2017, no. 4 (55), pp. 211–226 (in Russian).
 20. Luhmann N. *Soziologische Aufklärung: Aufsätze zur Theorie sozialer Systeme*. Köln / Opladen, Westdeutscher Verlag, 1970. 336 S. (Russ. ed.: Luman N. *Sotsial’nye sistemy. Ocherk obshchei teorii*. St. Petersburg, Nauka Publ., 2007. 644 p.)
 21. Mannheim K. *Ideologie und Utopie*. Vittorio Klostermann, 1995. 302 p. (Russ. ed.: Mankheim K. *Ideologija i utopia*. K. Mankheim. *Diagnoz nashego vremeni*. Moscow, Iurist Publ., 1994. 693 p.)
 22. Nasonova L.I. *Obydennoe soznanie kak sotsiokul’turnyi fenomen* [Ordinary consciousness as a sociocultural phenomenon]. Moscow, Znak Publ., 1997. 311 p. (In Russian).
 23. *Nekotorye aspekty analiza voenno-politicheskoi obstanovki* [Some aspects of the analysis of the military-political situation]. Ed. by A.I. Podberezkin, K.P. Borishpolets. Moscow, MGIMO-Universitet Publ., 2014. 874 p. (In Russian).
 24. «Normal’naia anomiiia» v Rossii i sovremennom mire [“Normal anomie” in Russia and the modern world]. Ed. by S.A. Kravchenko. Moscow, MGIMO-Universitet Publ., 2017. 281 p. (In Russian).
 25. Parsons T. Some problems of general theory in sociology. *Social systems and the evolution of action theory*. New York, Free Press Publ., 1977. Pp. 229-269 (Russ. ed.: Parsons T. *Nekotorye problemy obshchei teorii v sotsiologii*. Moscow, INION RAN Publ., 1994. 106 p.)
 26. Podberezkin A.I. *Voennaia politika Rossii* [Modern military policy of Russia]. Moscow, MGIMO-Universitet Publ., 2017. Vol. 1–2. 817 p., 987 p. (In Russian).
 27. Podberezkin A.I. *Voennye ugrozy Rossii* [Military threats to Russia]. Moscow, MGIMO-Universitet Publ., 2014. 268 p. (In Russian).
 28. Podberezkin A.I. *Evraziiskaia vozdušno-kosmicheskaia oborona* [Eurasian aerospace defense]. Moscow, MGIMO-Universitet Publ., 2013. 488 p. (In Russian).
 29. Podberezkin A.I. *Natsional’nyi chelovecheskii kapital* [National human capital]. Moscow, MGIMO-Universitet Publ., 2011–2013. Vol. 1–3. 362 p. 362 p. 101 p. (In Russian).
 30. Podberezkin A.I. *Strategiia natsional’noi bezopasnosti Rossii v XXI veke* [The strategy of Russia’s national security in the 21st century]. Moscow, MGIMO-Universitet Publ., 2016. 338 p. (In Russian).
 31. Podberezkin A.I. *Tret’ia mirovaia voina protiv Rossii: vvedenie v kontseptsiiu* [The Third World War against Russia: an introduction to the concept]. Moscow, MGIMO-Universitet Publ., 2015. 169 p. (In Russian).
 32. Podberezkin A.I., Zhukov A.V. *Factory bezopasnosti dlia rossiiskoi natsii, gosudarstva i obshchestva. Ugrozy silovogo ispol’zovaniia sotsial’nykh setei* [Factors of safety for the Russian nation, state and society. Threats of power use of social networks]. *Nauchno-analiticheskii zhurnal Obozrevatel’-Observer*, 2017, no. 10, pp. 23–25 (in Russian).
 33. Podberezkin A.I., Kharkevich M.V. *Vozmozhen li dolgosrochnyi prognoz? K voprosu o metodologii prognozirovaniia mezhdunarodnykh otnoshenii* [Is a long-term prognosis possible? On the methodology of forecasting international relations]. *Svobodnaia mys’l’*, 2016, no. 4 (1658), pp. 78-79. (In Russian).
 34. Stepin V.S. *Tsivilizatsiia i kul’tura* [Civilization and culture]. St. Petersburg, SPbGU Publ., 2011. 408 p. (In Russian).
 35. *Strategicheskoe prognozirovanie mezhdunarodnykh otnoshenii* [Strategic forecasting of international relations]. Ed. by A.I. Podberezkin, M.V. Aleksandrov. Moscow, MGIMO-Universitet Publ., 2016. 743 p. (In Russian).
 36. Toshchenko Zh.T. *Fantomy rossiiskogo obshchestva* [Phantoms of Russian society]. Moscow, Tsentr sotsial’nogo prognozirovaniia i marketinga Publ., 2015. 668 p. (In Russian).
 37. Fuko M.P. *Slova i veshchi. Arkheologija gumanitarnykh nauk* [Words and things.

- Archeology of the humanities]. Moscow, Progress Publ., 1977. 408 p. (In Russian).
38. Shtompka P. *Doverie – osnova obshchestva* [Trust is the foundation of society]. Moscow, Logos Publ., 2012. 445 p. (In Russian).
 39. Alexander J.C. *The Drama of Social Life*. Malden, Polity Publ., 2017. 189 p.
 40. Alexander J.C. *The Meanings of Social Life. A Cultural Sociology*. Oxford University Press Publ., 2003. 296 p.
 41. Beck U. *Cosmopolitan Version*. Cambridge, Polity Press Publ., 2007. 201 p.
 42. Beck U. *Ecological Politics in an Age of Risk*. Cambridge, Polity Press Publ., 1995. 224 p.
 43. Beck U. *World at Risk*. Cambridge, Polity Press Publ., 2010. 269 p.
 44. Beck U., Giddens A. and Lash S. *Reflexive Modernization: Politics, Tradition and Aesthetics in the Modern Social Order*. Stanford, CA, Stanford, University Press Publ., 1994. 228 p.
 45. Merton R. *The Sociology of Science: Theoretical and Empirical Investigations*. Chicago, Chicago University Press Publ., 1973. 605 p.
 46. Perrow Ch. *The Next Catastrophe. Reducing Our Vulnerabilities to Natural, Industrial, and Terrorist Disasters*. Princeton, New Jersey, Princeton University Press Publ., 2011. 432 p.
 47. Urry J. *Global Complexity*. Cambridge, Polity Press Publ., 2003. 184 p.
 48. Urry J. The Complexities of the Global. *Theory, Culture & Society*. Sage Publications, 2005. Pp. 235- 254.

About the authors:

Sergey A. Kravchenko – Doctor of Philosophy, professor, head of sociological chair of the Russian Foreign Ministry MGIMO, 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia. e-mail: sociol7@yandex.ru.

Alexei I. Podberezkin – Doctor of Economics, professor of world and national history chair, director of the Center for Military and Political Studies of the Russian Foreign Ministry MGIMO, 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia. E-mail: vestnik@mgimo.ru.

The article was prepared with the financial support of the RNF, grant No. 16-18-10411.